

Александр Бестужев-Марлинский

Латник

Александр Бестужев-Марлинский
Латник

«Public Domain»

1831

Бестужев-Марлинский А. А.

Латник / А. А. Бестужев-Марлинский — «Public Domain», 1831

«Мы гнались за Наполеоном по горячим следам. 22 ноября послал меня Сеславин очистить левую сторону Виленской дороги, с сотнею сумских гусар, взводом драгун Тверского полка да дюжиною донцов. Местом сбора назначено было местечко Ошмяны, и я, получив приказание, что делать и чего не делать, на рысях пустился проселками...»

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Александрович Бестужев-Марлинский Латник¹ *Рассказ партизанского офицера*

* * *

Мы гнались за Наполеоном по горячим следам. 22 ноября послал меня Сеславин² очистить левую сторону Виленской дороги, с сотнею сумских гусар, взводом драгун Тверского полка да дюжиною донцов. Местом сбора назначено было местечко Ошмяны³, и я, получив приказание, что делать и чего не делать, на рысях пустился проселками. День был не морозен, но туманен, и порой перепархивал снежок – лихая пороша на зверей и неприятелей. Впрочем, и без нее легко можно было узнать, где прошли французские отряды: взорванные ящики, брошенные повозки, павшие кони и, что всего ужаснее, замерзшие солдаты устилали дорогу. Мы, правда, уж привыкли к подобным картинам и хладнокровно ехали мимо трупов, распухших и посинелых от антонова огня, не заставляя даже усталых коней своих через них перепрыгивать. На лицах этих несчастных видна была тяжкая печать мучительной кончины. Я бы привел туда молодцов, которые, сидя на печке, уверяют, что смерть от мороза – сладкое усыпление; они увидели бы там всю постепенность борения с одолевающею судьбою, борение судорожное, отчаянное тем более, что они обнажены были товарищами заживо, – чувство самосохранения заглушало тогда во всех сердцах голос сострадания, человечества и братства; мертвецы валялись обнаженные, и лишь снег одевал их холодным покрывалом своим. Отсталые и, как видно, последние были еще не совсем раздеты, но одежда их была плоха, изорвана, ноги обернуты соломой; и так велика была неопытность французов, что у многих из них на спинах веяли бараньи шкуры сверх мундира, вместо того чтоб надеть их под испод. Иные сидели и лежали у потухших огней, с которыми потухла в них жизнь; другие сгорели полуживые, не могли от истощения отодвинуться. Всех более поразил меня гренадер старой гвардии: глядим – он стоит вдаль, опершись о ружье; подъезжаем ближе – он мертвый. Густая медвежья шапка оттеняла сдвинутые страданием брови и закатившиеся его глаза; из-под огромных усов, на которых недвижимо низался иней, сверкали стиснутые зубы.

Под моей командой был прекрасный молодой человек, поручик Зарницкий, и волонтер Кравченко, полковой аудитор⁴, который, видя, что в народную войну нужнее сабли, чем перья, бросил артикул и принялся разрешать гордиевы узлы по-александровски⁵. Малый добрый, храбрый как пуля, зато и тяжелый как свинец, из которого она вылита.

Мы все трое подъехали к замерзшему и с содроганием смотрели на его выразительное лицо. Казалось, душа его улетела к милой родине в последнем взоре, но, улетая, оставила в чертах следы прежней гордости и отваги: движение губ выражало презрение боли, его побе-

² Сеславин А. Н. (1780—1858) – генерал-лейтенант, герой Отечественной войны 1812 г.; первым заметил отступление французских войск и сообщил об этом М. И. Кутузову.

³ Местечко Ошмяны – расположено на берегу р. Ошмяны (бассейн Немана), по бывшей Виленской дороге.

⁴ Аудиторы – чиновники, исполнявшие при военных судах должность следователя, прокурора и секретаря, а во время походов заведовавшие обозом, квартирмейстеры.

⁵ ...разрешать гордиевы узлы по-александровски. – По преданию, Гордий, родоначальник одной из фригийских династий, привязал узлом ярмо к дышлу колесницы, подаренной им в храм Зевса. Оракул предсказывал, что тот, кто развяжет узел, будет владеть Азией. Александр Македонский разрубил узел мечом.

дившей. Он прижимал к груди товарища своих походов – неизменное ружье, и на этой груди виделись раны.

– Бедняга, – сказал аудитор, – как не жаль эдакого молодца, хоть, между нами будь сказано, и француза: ведь в любой полк во флигельманы⁶ годится.

– Завидная смерть! – сказал я. – Он умер с оружием и стоя.

– Зато какого имени стоит этот Наполеон, бросая таких людей на жертву своему властолюбию! – возразил поручик с негодованием, показывая на мертвеца и на кровавый след его. – Эти кровавые буквы – приговор его осуждения!

– Попадись только Наполеон к нам в когти, – подхватил с жаром наш коротенький аудитор. – я как раз подведу за конец, чтобы его, яко не имеющего дворянского звания, прогнать за побег сквозь строй шпигрутенном, а за мятеж весьма лишить живота!

Так разговаривая, приближались мы к лесу. Двое самых расторопных казаков почти за версту впереди оглядывали дорогу, а несколько других тянулись по бокам и сзади отряда. Вдруг завидели мы, что один из них стал на месте, между тем как другой начал разводить на скаку круги шире и шире. Зная, что это значит, я выстроил людей справа по шести.

– Сабли вон и стой! Равняйся!

Поджидаю, что будет. Страх люблю видеть русского солдата перед делом. Каждый, оглядывая кремень и стирая ногтем полку, шепчет товарищу: «Слава богу, добрались до них!» И потом с такою непритворною набожностью крестит грудь свою, с такою теплою верою взглядывает на небо! И потом так гордо встряхивается в седле, так уверенно смотрит из-под руки вдаль, как будто говорит: «Ну, сколько вас там, бусурманы? Подавай их сюда!»

Синий дымок взвился с пистолета передового казака – и долго после услышали мы выстрел. Казак уже неся к нам навстречу, между тем как товарищ его принялся кружиться перед опушкою и выманил несколько выстрелов.

Неприятель сказался – вперед!

В тот же миг мы выстроили взводную колонну и пошли рысью к лесу.

– Много ли французов, земляк? – спросил я у казака.

– Словно крупа сыплется; да с ними и пушки есть, – отвечал он.

– Тем лучше, – вскричал поручик Зарницкий, – авось они стрельнут в меня Георгиевским крестом!

Скоро мы были на полвыстрела от опушки, однако ни одна пуля не встречала нас. Это что за известие?

Чтобы не наткнуться на засаду, я не прежде ввел своих в лес, как уверившись, что неприятель стянул своих стрелков на дорогу. Спешив драгун с примкнутыми штыками, я оседлал ее, раскинув по чаще в обе стороны застрельщиков. Мы скоро нагнали отступающих французов: отряд их состоял из батальона пехоты при двух орудиях. Жалко и страшно было смотреть на обезображенных усталостию, морозом и голодом гренадеров; смешно бы было видеть их костюмы, если б мы сами не были убраны чуть не так же. И у них и у нас были люди в рясах, в балахонах, в женских шапочках, у кого нога в лапте, у кого в сапоге; мой вахмистр, лихой рубака, целых два месяца щеголял в салопе какой-то купчихи, а я сам был завернут в ковер, посреди которого прорезал место для головы. В столицах смеялись карикатурам бегства французов из России, но поход и бивачная жизнь нарядили и пас в их мундиры; пестрота была невообразимая!

Французский отряд шел медленно, зато в непроницаемом порядке, и с каждым разом, как мы порывались ударить на них, обращался и, твердой ногой ставши, отстреливался. Батальонный командир вился около своих, ободряя их словом и примером. «Allons, courage, mes enfants, – montrez les dents, camarades, serrez vos rangs, halte! Criblez-moi d'importance ces

⁶ Флигельман (нем.) – фланговый солдат.

flandrins: ca tient, le coeur chaud; filez, filez, vous dis-je... feu!»⁷ – и тому подобные приговорки лились у него рекой.

Всякий раз, когда перемежался огонь, голос его слышался громок и внятен. Видя невозможность успеть в нападении по узкой тропинке, мы следовали за ними, по временам меняясь пулями и бранью, которая со времен Гомеровых есть вечный припев сражений и подстреканий удалцов. Неприятельские орудия, подернутые морозом, скрипя и гремя цепями, прыгали через корни литовских сосен; худые кони, натужась в упор, едва тащили их по гололедице – рвались, скользили, падали; наконец мы заметили, что одно из орудий стало отставать, отставать, и французы, видя, что ни бичом, ни криком нельзя ободрить коней, отпрягли их, загвоздили затравку, изрубили спицы и бросили пушку на дороге.

Разумеется, что и мы сделали то же. Куда нам было возиться с этою дрянью; в двенадцатом году пушками хоть пруд пруди. Мимоходом сказать, большая часть кавалерии и артиллерии наполеоновской погибла не столько от недостатка в кормах, как от безделицы – от неумения ковать лошадей на шипы. Бедняги на гладких французских подковах оставались, как раки на мели, на чуть-чуть гладкой дороге, и мы нередко ремонтировались брошенными конями, излечая их гарнцом овса и парюю цепких подков.

Но лес начал редеть; неприятель выстроил колонну и сдвоил шаг, чтобы через поле скорее добраться до замка, который вдали выглядывал из-за деревеньки. Я усилил фланкеров.

Казачи и гусары мои налетали на колонну, как ласточки на ястреба, и щипали его по перу; одни за другими падали французы на следы свои, порой валился ц русский. Мне наскучили эти шутки.

Выбрав чистое место, я развернул фронт, в надежде смять натиском неприятеля и захватить пушку, – но он угадал меня, на бегу выстроил каре, маскировал орудие и стал недвижим. Люди у меня были сорвиголова, наезжены лихо, оружием владеть мастера, прокопчены порохом до костей и так приметались ежедневными стычками к нападениям, что слушались слова начальника пуще пули неприятельской; со всем тем атаковать опытную пехоту конницею – заставит хоть у кого прыгать ретивое. Впрочем, фланговые и замочные унтер-офицеры – это нравственное основание строя – были у нас в отряде народ отличной храбрости. Ходили мы в атаку не иначе как рысью, затем что нестись во весь опор за версту кончается обыкновенно тем, что строй разорвется, многие кони задохнутся, многие понесут и лишь одна горсть отважных доскакивает до неприятельского фронта и, опрокинутая, улепetyвает назад быстрее натиска. Кричать «ура» не было заводу, затем что те, которые режут прежде всех и раньше поры, первые осаживают под шумок коней и оттого расстраивают купность удара. Напомнив гусарам, что и как должны они делать, я повел атаку ровно, смело. Мерзлая земля загудела под мерною рысью; уланские пики, которыми тогда вооружены были и гусары, залепетали флюгерами, и бречневое оружие раздалось в осеннем воздухе; все это покрывалось изредка словами: равняться, не волноваться, не заваливать плеч! В неприятельском фронте была смертная тишина, мы приблизились быстро; можно уж было различать бледные лица и сверкающие над стволами глаза гренадеров под наклоненными их шапками. В ста шагах я скомандовал марш-марш и с поднятою саблею кинулся на рогатку штыков; в то же мгновение за криком feu!⁸ грянул пушечный выстрел, картечи запрыгали около, и густой батальный огонь покатился вдоль фасов, – он развеял наш фронт как пух. Кони смешались, на раненых спотыкались здоровые, мы принуждены были обратиться назад. Картечь и штыки – нестерпимые вещи для лошадиной натуры. Три раза еще порывались мы пробить каре, и три раза были отбиты. Я грыз зубы. Поручик бесновался... но делать было нечего. Пришлось, сберегая людей, ограничиться перестрелкою, ожидая удоб-

⁷ Ну, смелее, ребята, – огрызайтесь, смыкайте ряды, стой! Сбейте спесь с этих бездельников: это воспламеняет сердце; стреляйте, стреляйте, говорю я вам... огонь! (фр.)

⁸ Огонь! (фр.)

нейшего местоположения или времени. Завязать дело было необходимостью, чтобы развлечь внимание неприятельского корпуса. Пускай себе думают, что мы, обманувшись, преследуем Наполеона проселками, между тем как наши летучие отряды катились у него на шпорах.

Так догнали мы храбрых своих врагов до небольшой деревеньки при замке Треполь. Между тем люди и кони мои изнурились давним налетом как нельзя более, – надобно было освежить тех и других, а в поле ни стога сена, в саквах⁹ ни крошки сухарей; волей и неволей приходилось добыть себе хлеб насущный и ночлег в деревне, прогнав из нее неприятеля. На русского солдата всего сильнее действует такая логика, и когда я объявил им в чем дело, они с жаром кинулись выбивать французов из засады. Впереди шли драгуны в штыки, гусары с карабинами подкрепляли их, казаки зажигали дома с боков, – это подействовало: мы потеснили их до самого замка, ворвались во двор, и, наконец, они заняли только самый корпус дома панского и в нем отстреливались тем отчаяннее, тем безопаснее, что взвезли на подъезд свое орудие и очищали им весь двор, сквозь огромные двери сеней. С других сторон окна были высоко от земли, и потому самую выгодную точкою нападения оставалось орудие, во-первых потому, что к нему и мимо его в дом можно было взбежать по подъезду, а в окна под ружейным огнем – плохая дорога; во-вторых, проникнув в середину, мы бы разрезали осажденных на две половины и, следственно, могли гораздо легче с ними управиться. Чего долго думать.

– Ребята, вперед, ура, в штыки, в дротики! За мной! – закричал мой поручик и бросился на пушку с охотниками; выстрел сверкнул – и наших обдало как варом. Зарницкий упал со стоном, и солдаты отступили в беспорядке. Я был впереди, кричал, сердился, приказывал, грозил – все даром: люди мои будто ничего не слышали, перестреливаясь издали, медленно, лениво, – я кипел негодованием и досадой.

Вдруг, видим мы, несется к нам на рыжем копе всадник, в черных латах, в блестящей каске, из-под заброшенной за спину шинели сверкал штаб-офицерский эполет. Прискакав под выстрел, он спрыгнул с коня и обнажил палаш свой.

– Вперед, вперед! – крикнул он. – Сомкни ряды. Господин ротмистр, вы должны непременно взять этот замок! Ребята! вы русские, – вам стыдно отступать, за мной, товарищи; я ваш начальник; смерть тому, кто отстанет, – на руку, ура!

С этим словом он кинулся к стене, не оглядываясь назад, как будто уверенный, что магический пример его увлечет всех за собою. И в самом деле, неожиданное появление этого латника, его колоссальные формы, его бесстрашная осанка, его повелительный голос показались солдатам чем-то сверхъестественным; они ожили, посильнели.

– Ура! – раздалось в ответ на призыв латника, на усиленный огонь французов, и все мы кинулись к подъезду, вынося друг друга на плечах; выстрел, картечь через головы, пошла резня рукопашная. Мы ворвались в комнаты, и дело решилось. Кирасир рубил без пощады; каждый взмах его падал смертью, – он рассек голову французскому батальонному командиру, едва тот успел завалить затравку, и несчастный упал в крови через лафет; солдаты мои остервенились потерю многих товарищей и с ожесточением кололи всех французов и вооруженных шляхтичей, упорно против нас защищавшихся.

Картина была ужасная!

Пороховой дым густыми облаками ходил по залам; кровь, смешанная с рассыпанным порохом, залила паркет, на котором лежали, между множеством трупов, украшения потолка, обрушенные от выстрелов. Разъяренные победители ломали мебели, били стекла и зеркала, обдирали обои; наконец, вызванные из замка для фуражировки, добычи, гораздо для них нужнейшей самого золота, они рассыпались по деревне, и в замке все утихло. Воображать себе, что солдаты в военное время так смиренны, как это пишется, – надо быть или очень легковерну, или вовсе слепу: общая опасность уравнивает больше или менее все чины, а необходимость

⁹ Саква (сак) – холщовая переметная сума на седло для овса или сухарей.

заставляет глядеть сквозь пальцы на некоторые своевольства. Так идет в строю; в летучем же партизанском отряде, которого главная цель есть вредить неприятелю всякими средствами, вести, так сказать, разбойничью войну, – еще более случаев пограбить за глазами начальников. Следуя правилу своему – расхищать, что могут найти, истреблять, чего нельзя унести, чтобы врагу не досталось ни синего пороха, ни соломинки на кровлю, ни прутика для огня, – мои молодцы с особенною ловкостью пустились шарить и шныхарить. Взяв все предосторожности от внезапностей, я велел караульным разложить в одной из комнат, менее других пострадавшей, огонь в камине и перенес туда оконтуженного поручика. Он кряхтел и бранился, между тем как фельдшер натирал ему больной бок спиртом. Я, усталый, лежал перед огоньком на гусарских плащах. В окно светило зарево пожара, и от времени до времени слышались в селе-нии pistolетные выстрелы.

– Проклятая пушка! – приговаривал, охая, Зарницкий при каждом разе, когда фельдшер касался до контуженного места. – Она, словно клад, не давалась мне в руки. Под Красным французская сабля мне хотя прорезала на груди петлицу, да по крайней мере я вддел в нее «Владимира» с бантом, а эта упрямица отбоярилась от меня одним чугунным поцелуем. Ох, проклятая пушка!

– Утешься, Зарницкий, она не ушла от нас! – сказал я.

– Да не пойдет и с нами. Дорога еще не окрепла, кони истощены, и колеса будут резать за ступицы. Она свяжет пас по рукам и по ногам; при летучем отряде не впору ползти этому медному тюленю.

– О перевозке не заботься: я уж велел положить ее на розвальни, и тебя жалую начальником всей нашей зимней артиллерии.

– Эта зимняя артиллерия нагрела мне бок похуже Петровок; да скажи, пожалуй, куда девался этот кирасирский великан, который выхватил у меня пушку из-под носу? Когда я очнулся, то в облаках серного дыма он, в белом мундире и в латах своих, показался мне за привидение. Нечего сказать, удалец, – он крошил палашом своим, как будто в кулаке у него сидел целый легион чертей, и метался в схватке, будто на нем надета была заговоренная кожа Ахиллеса¹⁰. Не убит ли, не ранен ли он?

– Не знаю. Видел его я до самого конца дела, в запальчивости он истреблял встречного и поперечного; не было пощады даже тем, которые просили пардону. Кровь струей бежала с его клинка, с особенною, какою-то дикою радостью рубил он вооруженных врагов, и всякий раз, когда человек падал трупом к ногам его, он, вглядываясь в лицо, восклицал: «Это не он! все еще не он!» и спешил далее. Мне сказывали – увязавшись за кем-то в погоню, он исчез в потемках... Может статься, где-нибудь и застрелили его... Я велел всюду его искать, но до сих пор еще не нашли латника.

– Нашли, нашли! – кричал, вбегая, запыхавшись, наш кубический аудитор.

– Ура! наша взяла! Мир России, слава и честь аудитору двенадцатого класса Кравченке; поздравьте меня, обнимите меня, расцелуйте меня в лепестки. Уф!.. я не могу более...

При этом он упал в кресла и, пыхтя, с гордым видом поглядывал на нас свысока. Мы с улыбкою взглянули, желая найти на лице другого разгадку этим междометиям.

– Теперь мое имя будет сиять не в одних скрепах шнуровых книг – оно загремит в реляциях, в газетах, в историях!.. – продолжал Кравченко, собравшись с духом. – Да, да, в историях!

– По крайней мере в какой-нибудь комедии, – сказал поручик, следя глазами аудитора, который в припадке самодовольствия вертелся и прыгал по комнате, словно кубарь.

¹⁰ ...заговоренная кожа Ахиллеса. – Тело Ахиллеса, одного из храбрейших древнегреческих героев, было неуязвимо, кроме пятки, за которую держала его мать, богиня Фетида, купая ребенка в волшебном ручье. В Троянской войне он и был смертельно ранен в пятку стрелой Париса.

– Чинов, крестов, пансионов – бери не хочу! Да то ли еще? На меня сбегутся смотреть стар и мал, когда я приеду в Петербург, как на моржа, который в кадке играет на гитаре. Меня наперехват будут звать вельможи на обеды, а про места и говорить нечего – хоть в министры юстиции; впрочем, господа, я и в счастье не позабуду вас... Вы, пожалуйста, обращайтесь ко мне по-дружески, если припадет нужда, – для кого же и не послужить в случае, когда не для старых приятелей? Кстати, господа, вы будете моими друзьями, когда я женюсь на дочери Платова!...¹¹

Мы долго смотрели серьезно на его проказы, как он, подымаясь на цыпочки, воображал, что задевает носом за облака; мы долго слушали его нелепости, но при последнем восклицании хоть и уверились, что он рехнулся, но никак не могли удержаться от смеха, – так забавен был наш маленький человечек. В свою очередь и он с удивлением глядел на нас из широких кресел, как сытый кот из слухового окна; он не постигал, чему хохочем мы, схватясь за бока.

– Не проглотил ли ты, любезный Лука Андроныч, чертенка вместо мухи? – спросил поручик.

– Не опоили ли тебя французы дурманом? – сказал я.

– Или не хочешь ли ты прикинуться сумасшедшим, чтобы поправить прежнюю репутацию своего рассудка? Авось скажут, коли сошел с ума, верно было с чего, – подхватил Зарницкий.

– Не худо бы вам успокоиться, – примолвил я. – От бессонницы долго ли приключиться белой горячке?

– Советовал бы я вам пустить себе самим рожечную кровь... – отвечал с досадою Кравченко. – Экая невидаль – дочь Платова! Да чем бы я не зять атаману? Ведь он сам объявил всем и каждому циркулярно, что кто захватит Наполеона, за того он отдаст дочь свою, будь он простой казак, не только аудитор двенадцатого класса, представленный к получению «Анны» на шпагу!¹² Разве не слыхали вы этой новости?¹³

– А вы небось ей поверили? Знайте же, господин аудитор двенадцатого класса, представленный к получению «Анны» на шпагу и проч., и проч., и проч., что у Платова нет дочери-невесты, что он никогда не думал и не гадал объявлять подобного предложения. Но если б даже, по шучьему веленью, а по вашему хотенью, у него и была бы дочь, если б даже нелепая лотерея эта была в самом деле вещь сбыточная, – я все-таки не вижу, почему бы наш Лука Андронович мог иметь право на ее руку?

– Не только на ее руку, ротмистр, на ее обе руки, на нее всю с головы до ног, с душою и сердцем и с богатым приданым барыша. Да неужели я до сих пор не объявил вам о славном моем подвиге, о счастливой находке своей?

Там, в темном подвале, в самой трущобе, между хламом и ломаною мебелью, знаете ли, какой клад открыл я?

– Верно, бочонок с водкою или свиной окорок, – хладнокровно отвечал поручик. – Я не знаю, что бы иначе могло до такой степени переболтать все параграфы умственного артикула в голове нашей полевой юстиции!

– О, зависть, зависть! – вскричал Кравченко, поднимая свои телячьи глаза к потолку. – Едва успел я отличиться, меня заране хотят унизить насмешками, отбить славу клеветою. Пусть! Разве не все великие люди имели такую же участь, – да хотя бы и не все?... Я тем не

¹¹ Платов Матвей Иванович (1751—1818) – герой Отечественной войны 1812 г., атаман донского казачьего войска.

¹² ...в получении Анны на шпагу! – Гоштинский орден св. Анны, учрежденный в 1735 г. с 1797 г. вошел в состав русских орденов.

¹³ Кто не помнит этого слуха во время Отечественной войны? Это была выдумка, но выдумка, характеризующая дух народный; она объяла всю Европу. Я видел английскую картину, изображающую прекрасную казачку, с надписью: «Miss Platoff», и внизу: «I join my heart to my father's will», то есть предаю сердце к воле отеческой, (Примеч. автора.)

менее свершил дело знаменитое и заверил его законными и уважительными свидетельствами; теперь никто в свете не оспорит, что я этими руками взял в плен Наполеона!

– Наполеона? – вскричал поручик, вскакивая со стула невольно. – Наполеона, который уже два раза ускользнул у нас между пальцев, вы, сударь, ты, Кравченко, взял Наполеона?

– Я, сударь, я сам взял Наполеона с мясом и с костями, говорю я вам!.. Неужто я не знаю его проклятого носа, его зеленых глаз, его синего мундира и шляпы корабликом? Разве не двадцать раз видел я его – во сне и на карикатуре! Да вот он и сам – лукавый легок на помине.

Мы оба очень мало верили проницательности аудитора, еще меньше – возможности захватить на этой дороге Бонапарта; но достичь его было самою меткою мечтою, самым пылким желанием, так сказать осяю помешательства, – и в этот раз, по обыкновенной всей людям слабости к вестям самым несбыточным, впали в раздумье. «Чем черт не шутит! – ворчал поручик. – Легко статься может, что Наполеон нарочно кинулся проселками, обманывая погоню! Может, истребленный батальон был его конвоем!.. Из чего бы иначе им так упорно было драться!» В таких мыслях бросились мы к дверям, в которые входила толпа наших наездников с пленным посреди.

– Вот он, вот он! – шумели гусары. Они уж вспрыснули победу некупленного водкою, и были, что называется, навеселе, и еще более расхорохорились от уверений аудитора.

– Я первый увидел его, ваше благородие! – сказал, выступи вперед, рослый драгун.

– Я первый нашел его! – восклицал другой, пристукивая каблуком, чтоб его не забыли, так mocno, что с потолка падала известь.

– Я первый схватил его!.. – уверял казак.

– Я вытащил, я держал за руку, за ногу, за шею!.. – кричали другие.

– Без нас он бы дал стречка! – вопияли третьи. Я велел всем молчать.

– Подведите-ка пленника ближе к огню.

– Бросьте в огонь – только дайте мне расписку, что получили от меня Наполеона в целости, – ворчал аудитор сквозь зубы.

Пленник приблизился, и мы с жадностью, почти с трепетанием страха и надежды устремили на него глаза: перед нами стоял тамбурмажор¹⁴ какого-то егерского французского полка, с преглупою и вместе с прежалкою рожею; общипанный мундир с полинявшими галунами, треугольная шляпенка на голове и на ногах вместо сапогов русские рукавицы – вот в каком виде представился нам двойник всемирного завоевателя. Надобно к этому прибавить, что, избегнув побоища, он был бледен как смерть, исключая носа, из которого и сам страх не мог выжать винного румянца. Он трепетал всем телом, потому что солдаты в жару патриотизма провожали барабанного императора, кажется, не одними угрозами.

Мы покатались со смеху. Аудитор между тем, выставя одну ногу вперед и водя чуть не по лицу пленника указательным пальцем, начал разбирать его по частям.

– Видите ли вы этот желтый, пергаменный лоб, на котором написаны его сатанинские замыслы? Видите ли этот ястребиный нос, который за тысячу верст чует добычу? Видите ли зеленые как у змея глаза, которыми он наяву морочит человека, эти коротенькие руки с длинными когтями, это крутое брюхо, которое было несыто, проглотив целиком Европу?.. Видите ли, что у него на лице написано число 666¹⁵, он же есть антихрист, сиречь Аполион, то есть Наполеон Бонапарт?

– Прокатись-ка верхом, любезный Лука Андронович, на этом пленнике, ты будешь точно грех на звере Апокалипсиса!

¹⁴ Тамбурмажор – старший над музыкантами в полку.

¹⁵ ..у него на лице написано число 666... – Число 666 – «звериное число» в Апокалипсисе (одной из книг Нового завета), под видом которого якобы скрыто имя антихриста. Церковники утверждали, что Наполеон I – «апокалипсический зверь» (антихрист), находя в численном значении еврейского начертания его имени число 666.

– Не под седло, а под нозе русских надо низвергнуть этого супостата. Зачем ты навалился на Русь с двадцатыр язык? Говори, отвечай! Не заминайся! – вскричал аудитор. – Признайся... кто у тебя были на Руси сообщники?

Бедняга тамбурмажор стоял ни жив ни мертв и дрожал словно осиновый лист, видя, как петушится около него аудитор, которого, без сомнения, он считал по крайней мере главным начальником отряда. «*Mon capitaine, mon colonel, mon general*»¹⁶, – твердил он ему при каждом слове, прося пощады; но тот не хотел принимать от корсиканского выходца ни даже маршальского достоинства. Наконец нам стало жаль этого копеечного Наполеона, и я, попрося нашего героя успокоиться, сказал ему, что он очень ошибся в своем призе – что это ни больше, ни менее, как французский тамбурмажор, то есть почти барабанный староста.

¹⁶ Капитан, полковник, генерал (фр.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.